

Кахи КАВСАДЗЕ мы знаем и любим по спектаклям Грузинского академического театра имени Шота Руставели. Но славу ему принесло кино. Самыми знаменитыми ролями актера стали Дон-Кихот и, конечно, красавец Абдулла, главари банды и хозяин гарема из "Белого солнца пустыни". За эту работу Кахи Кавсадзе и его коллеги недавно были удостоены в Санкт-Петербурге профессиональной премии "Золотой Остап" в области сатиры и юмора в номинации "Легенда".

— Кахи, как оказались в компании "Белого солнца пустыни"?

— Совершенно просто. Меня вызвали на пробу в Ленинград, где снимался почти весь фильм, потом утвердили. Все было как обычно: встретились с режиссером Владимиром Мотылем, поговорили. Работали. А потом оказалось, что сделали классику.

— Съемки и в пустыне шли. Тяжело было?

— Страшно тяжело. В Каракумах очень жарко было. Да и в Махачкале, Каспийске, где снимали море, ненамного легче. Но мне труднее всего пришлось узнать из-за чего? Был очень занят в Тбилиси, в спектаклях Театра имени Руставели, а самолеты то летали, то не летали. Помню, я должен был вылетать из Душанбе, это четыреста километров от Байрам-Али, где мы снимали. Из Душанбе — в Москву, а оттуда — в Тбилиси, где у меня спектакль. Приехал же я на съемки практически на один день. А день там длинный, солнце до десяти вечера светит, и мы так заработались, что самолет из Байрам-Али в Душанбе вылетел без меня. Пришлось хватать такси и ехать эти четыреста километров. В Москву попал с опозданием, и билетов на самолет до Тбилиси уже не было. А вечером должны были на сцене — представляете мое состояние? Чудом выпросил билет, пятнадцать минут восьмого мы приземлились в Тбилиси, и ровно в восемь я ворвался в театр. Ладно, спектакль был современный — прямо в своем костюме выбежал на сцену.

Хорошо, что все трудное забывается. Хотя как забудешь реплику, которую сам слышал на просмотре отснятого материала членами комиссии: "Да, этот отрицательный герой очень положительно смотрится. Надо все сделать, чтобы этого не было!" Имелся в виду мой Абдулла, к счастью, до конца его так и не переделали. Но нашему фильму дали вторую категорию, хотели вообще третью. Зато, когда его купили в ста шестидесяти странах, валюту стал качать "Мосфильм", который поставил свою марку в титрах, но всячески старался картину закрыть и уничтожить. Никто из нас ни черта не получил. Знаете, на какой гонорар я подписал договор? Семьсот семьдесят семь рублей, да еще сто семьдесят семь из них вычли. Шестьсот рублей за всю работу — это считалось нормальным. Вот сейчас вижу: бегут люди, хотят вернуть старое время, когда колбаса по два двадцать была. А мне так, как было, не нравилось, нельзя так жить.

— С вашими экранными "врагами" на съемках ладили?

— Были неразлучными друзьями. Особенно с Пашей Луспекаевым: он был душой нашей съемочной группы, большим артистом и грандиозным человеком.

С бандитами в фильме особенно интересно получилось. Офицера играл покойный Крючков, остальных — по большей части люди случайные: алкоголики, бродяги, бывшие заключенные, в общем с судьбами. И всегда между ними были драки, приходилось их мирить. Часто заниматься этим приходилось мне, раз я "бандой" командовал. И они меня уважали. Когда случались какие-то неприятности, говорили: "Пойдем к Кахи. Как Кахи скажет..."

— Со своим гаремом уважались?

— Я же "жен" практически не видел, все в чадрах были. Из "профессионалок" была одна — валютная проститутка. Остальные — типаж: продавщица из магазина "Синтетика", инженер, дочка номенклатурного работника из Латвии, студентка... Одни приходили, другие уходили, да что в гареме была постоянная текучесть кадров. Прихо-

не выдержала происходящего: для нее это был слишком тяжелый психологический удар.

— Вы ее очень любили?

— Очень. Не хочу трепаться об этом, да актеры все равно все друг про друга знают. И весь Тбилиси знал про нашу любовь; про то, какая у нас дружная семья. Теперь дети выросли. Моей старшей дочери Нане уже тридцать один год.

были великие актеры — Хорава, Васадзе, режиссер Александр Пуцунава, актриса Тамара Чавчавадзе... Мой дед — известный музыкант, певец, дирижер, руководитель грузинского хора Сандро Кавсадзе. В тридцать девятом году он умер и хором стал руководить мой отец Давид Кавсадзе. Под его началом пели брат отца Гигуша, его сестра Маргарита. Вообще все с фами-

что в комиссии сидели мои соседи по дому: Хорава, Васадзе. Но что из меня что-то получится, никто не предполагал.

— К счастью, в прогнозах вышла ошибка?

— Не совсем. Моя карьера шла очень медленно. В конце пятидесятых была декада грузинского искусства в Москве и нас, студентов театрального института, пригласили участвовать

в заключению. В человеке изначально доминировало зло, оно — его сущность. Но прошли годы, десятилетия, века, заработал интеллект, и человек подумал: а может, зла не делать? Не отнимать, не убивать? Попробовал — и получилось. Так появился умный человек. Прошли еще годы, и он рассудил: зла я не делаю, но, может, попробовать еще и творить добро? Так появился очень умный человек. Так вот, я всегда стараюсь быть очень умным. Другое дело, получается это или нет.

— В начале беседы вы сказали: мне так, как было, не нравилось. Но разве вам, любимцу Тбилиси, плохо жилось?

— Да, меня уважали — и тогда, и сейчас. Но нельзя было дальше жить по тем законам. Нельзя жить в большом лагере, в зоне! Конечно, сейчас трудно, переходный период. Но это все пройдет, уладится, и мы будем свободными людьми. Вот жалеют, что Советский Союз распался. А какой это союз был? "Куда вы уходите?" — говорят иногда мои московские друзья. Никогда не уходим, где жили, там и живем. И разве лучше было, когда из Москвы раньше диктовали, что поставить Роберту Стурра или снять Тенгизу Абуладзе?

— А как живется в Тбилиси сейчас?

— Трудно. Но не сравнить с прошлым годом или позпрошлым. Все нормализуется, приходят стабильность, покой, на улицах уже нет вооруженных людей, можно гулять хоть до утра. Уже не только хлеб есть — все есть. Только денег мало. Но раньше и денег было мало, и ничего не было. Да и у вас все изменилось. Сейчас, когда я приезжаю в Москву, меня приглашают мои друзья и накрывают знаете какие столы? И это нормально, хорошо.

— В Грузии, как и везде, — свой политический "театр". Вы в нем участвуете?

— Играть в эти игры не хочу — я не профессионал в этом деле. Оттого что в политику пришли непрофессионалы, все и портится. Если же говорить о моей гражданской позиции, она нормальная — демократическая. Я лично альтернативы Шеварднадзе пока не вижу. Хотя, что будет через пять, десять лет, не знаю.

— А в ваш Театр имени Руставели по-прежнему ходят?

— Ходят, мест не найдете свободных. И в те трудные времена, когда мы спектакли начинали в двенадцать часов дня, потому что вечером по улицам передвигаться невозможно было, тоже ходили. Знаете, отчего видно, что ситуация в Тбилиси нормализуется? Спектакли уже не в двенадцать начинаем, а в шесть!

— Чего вам хочется в жизни больше всего?

— Побольше богатых людей. Нам семьдесят лет выткали в головы, что богатые — плохие. Неправда! Богатый человек — он добрый, щедрый. Нищий может быть щедрым? Нет. Хочу, чтобы все были богатыми, щедрыми, добрыми.

— Кахи Кавсадзе — богатый человек?

— Сейчас нет. Но надеюсь, что буду богатым.

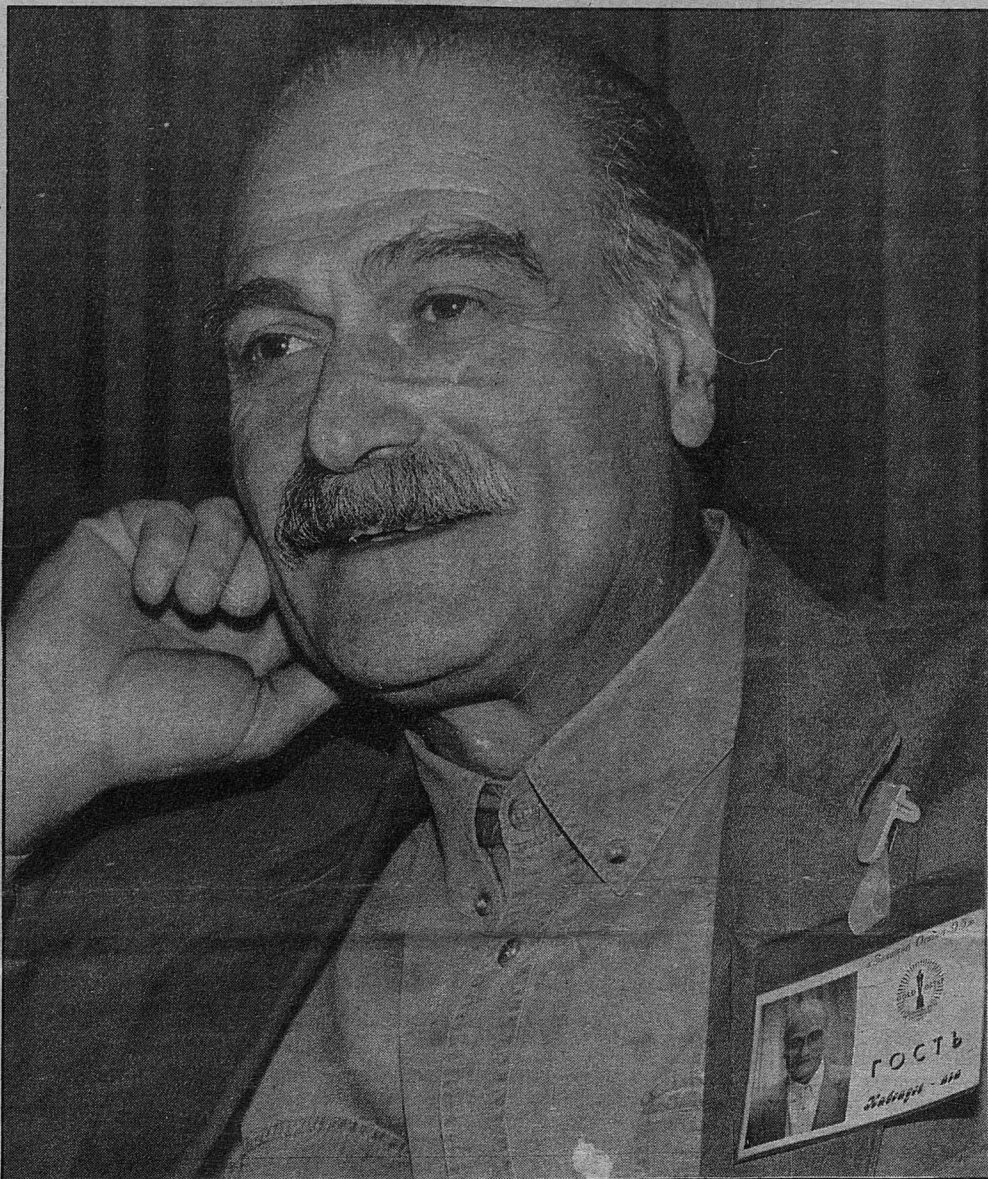
— А что бы вы хотели для своих детей?

— Мира, спокойствия. Наступают они — тогда и будут любить друг друга все. А еще могу рассказать вам притчу. Один грузин приехал в Китай. И там его повели на старое кладбище. Он стал читать надписи на могильных камнях: такой-то прожил три минуты, такой-то — двадцать, такой-то — три дня. "Как, — удивился грузин, — неужели это кладбище младенцев?" "Нет, — ответили ему, — тут лежат долгожители, жившие по сто, двести и больше лет. Но перед смертью они считали свои счастливые минуты, их число и высечено в камне". Услышав это, грузин задумался. А потом попросил: "Когда умру, напишите на моей могиле: 'Родился мертвым'". Так вот, я и детям, и себе желаю избежать подобной надписи!

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Виктора АХЛОМОВА.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ТБИЛИСИ

всегда старается быть еще и умным

дилось иногда даже моих разбойников задействовать, наряжая их в чадры.

— Один из самых любимых народов кадров в этом фильме, когда Луспекаев — Верещагин ложкой икру из миски ест. Вас всех икрой кормили на съемках?

— Нас не кормили. Когда Мотыль потребовал: "Принесите настоящую икру!" — директор фильма был очень недоволен. Продавалась она в маленьких баночках, граммов по пятьдесят по-моему. И чтобы наполнить большую миску, пришлось закупить банок пятьдесят. Я на этой съемке не присутствовал, но от Паши потом слышал: "Столько этой икры накашались, в жизни больше есть, наверное, не буду!"

— Кахи, в молодости вы были неотразимы, да и сейчас... Наверное, такого красавца женщины осаждали?

— Я и не знал, что я — красавец. Может быть, я — интересный? Моя жена была одной из самых красивых женщин Грузии. Звали ее Бэла Мирианшвили, она была очень талантливой актрисой. Мы вместе работали в Театре имени Руставели, а до этого вместе учились в Тбилисском театральном институте. Она поступила, когда я был уже на третьем курсе, тогда ее и заметил.

А потом случилась трагедия. В шестьдесят девятом родился мой второй ребенок, сын. И после родов жена уже не могла ходить, отнялись ноги. Так она потом двадцать три года и проболела. А в девяносто втором, когда у нас началась гражданская война, умерла —

Она очень хорошо училась в школе, думал, пойдет на исторический факультет или языковой. А она в десятом классе объявила, что хочет стать актрисой. Я ей сразу сказал: "Может, подумаешь? Это очень трудная профессия, сама видишь — твоему отцу не только аплодисменты достаются. И потом, я могу тебе в любом институте помочь — в Тбилиси меня все знают, уважают. Но только не в театральном, так что хочешь — поступай сама". И она поступила. У них была очень хорошая группа, и, когда дело дошло до дипломных спектаклей, я посоветовал Роберту Стурра пойти их посмотреть. После этого он весь курс взял в Театр имени Руставели.

Сыну Ираклию сейчас двадцать шесть. Я хотел, чтобы он стал профессиональным футболистом. В футбол сын играл с детства, и удачно, их юношеская команда завоевывала в бывшем Советском Союзе все призы. Но потом в Грузии все распалось, разрушилось, в том числе и футбол. И сын решил стать артистом. Я и ему пытался объяснить, какая это неблагоприятная и зависимая профессия. Вот спрашиваю: "Какие у тебя планы?" Смешно. Какие у меня планы? Спросите у режиссера! Может, я хочу играть в Дездемону, и Отелло, и Яго вместе. А режиссер даст мне только поднос. Но сын меня слушать не стал, окончил театральный институт, и сейчас все в одном театре.

— Как вы сами стали актером?

— У нас очень музыкальная семья. И жили мы в артистическом доме. Нашими соседями

лией Кавсадзе поют. Не пела в нашей семье только мама, она была врачом, но, поскольку вышла замуж за музыканта, всегда преклонялась перед миром искусства.

В сорок первом году отца забрали на фронт, и там он исчез. Мы долго не знали, что с ним. Сначала сказали: погиб, как и мой дядя. Потом выяснилось, что отец попал в плен. И он из пленных собрал грузинский хор — во Франции это было. Когда грузинская эмиграция во Францию узнала, что Давид Кавсадзе в плену, его оттуда выкупили, представляют. А после войны он хотел вернуться домой, но по дороге был арестован, сослан и расстрелян. Его имя долгое время нельзя было упоминать, поэтому нынешнее поколение его мало знает. Погиб он на Урале, под Свердловском, до сих пор помню название той станции: Сосва и номер лагеря. Мы получали оттуда письма, отец все просил: "Ты музыкой занимайся!" И я занимался, даже сочинял. Но после школы собрался в политехнический институт. Однако так случилось, что в конце одиннадцатого класса меня вдруг вызвали на кинопробу. И утвердили на самую главную роль в картине, которая называлась "Они спустились с гор". А я тогда занимался плаванием и уже во время съемок неудачно прыгнул с вышки, разбился, поломал ребра, почти год пролежал в больнице.

На роль нашли другого — меня такая злость взяла! Решил, что обязательно должен сняться в кино, а для этого поступить в театральный институт. Приняли меня со скрипом — и то потому,

в спектаклях Театра имени Руставели, в массовых сценах. Так я механически в этой труппе и остался. Но "слова" мне не давали очень долго, в отличие от моей жены. Бэла в искусство пришла с шумом, в театре играла только главные роли.

А я первые пять лет ничего собой не представлял. Даже друзья удивлялись: "Кахи, сколько еще времени ты будешь держать поднос? Кончай это дело, уходи из театра!" Но пришел Стурра, потихоньку начали работать, одна главная роль, вторая... Я был занят во всех его спектаклях и считал, что мне повезло — встретил такого генерального режиссера. Как артист сформировался, конечно, у Роберта — почувствовал вдруг, что все могу.

В кино же меня долго называли "пробный актер крупного плана". Все пробовали, пробовали, и никто не утверждал на роль. Поэтому, когда Тенгиз Абуладзе пригласил сняться в "Ожерелье для моей любимой", я сказал: "Батоно Тенгиз, только, ради Бога, без пробы. Хотите — буду играть, нет — так нет". Так без пробы и снялся. Видно, у Абуладзе оказалась легкая рука: после встречи с ним кино у меня пошло.

Хотя, если честно, смотреть "свои" фильмы я не люблю. Не поверите, даже "Белое солнце пустыни" целиком не видел. До конца посмотрел только одну короткометражку — "Бабочка" называется. И то заставили, силой засунули в просмотрный зал.

— В кино вы играли Дон-Кихота, роль великую. Что она значила для вас?

— Она часть моей жизни — этому фильму отдано пять лет. Когда услышал, что Резо Чхеидзе собирается снимать "Дон-Кихота", я, как один из артистов высокого роста, начал что-то для себя прикидывать. Правда, мешало, что худым тогда не был: весил сто четыре килограмма, "булка" во-о-т такая была. Потом узнал, что на пробы вызывали многих артистов, даже пошел слух, что кого-то утвердили. Я в коридоре студии встречаю Чхеидзе, разговариваю, он странно на меня при этом смотрит. Я: "Резо, что ты, первый раз видишь?" А он: "Знаешь, у меня разговор с тобой, зайдем-ка в кабинет..." И предложил познакомиться на Дон-Кихота. Я сначала дурака валял, все спрашивал, кто это и какой — худой и длинный или маленький и толстый. А потом предложил отложить разговор на месяц, чтобы я мог подумать, почитать и, самое главное, поухудеть. За месяц сбросил тринадцать килограммов, практически ничего не ел, только воду пил. К съемке готовился очень серьезно, и первая же проба решила все. Это был исключительный случай, когда я сам абсолютно доволен сделанным.

— У каждого из нас "свой" Дон-Кихот. Каким его видели вы?

— Безумно смешной человек, которого никто не понимает: оказывается, рыцарь, к тому же бесконечно добрый, никому не нужен. Но раз ты сам в это веришь, оставайся таким до конца. Вот по этому правилу он и живет.

— Ощущение, что вы и сами — "добрый человек из Тбилиси". Как сохранили это качество?

— Меня жизнь всегда ударила. Но у меня была очень добрая жена. Я и сам по натуре не злой, но бываю вспыльчивым. И она меня все время смирляла, что ли. А потом я пришел вот к какому